



Ф. Илин

СКАЗАНИЕ

О СЛАВНОМ МИЧМАНЕ

ЕГОРКИНЕ

Ф. Илин

**Сказания о славном
мичмане Егоркине**

Серия «Морские истории и байки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11959621

*Ф.Илин. «Сказания о славном мичмане Егоркине»: Горизонт; Москва;
2015*

ISBN 978-5-9906772-3-4

Аннотация

«Сказания о славном мичмане Егоркине» – это первая книга, открывающая цикл «Предания и сказания о славном мичмане Егоркине, верой и правдой служившего на военно-морском флоте долгие времена». В этой книге читатель знакомится с главным героем, Александром Павловичем Егоркиным, которого друзья зовут Палыч-Сан, что вполне соответствует образу. Палыч – Сан будет с вами, так или иначе, в каждом рассказе и повести всех книг цикла. Вы прочтете о том как Палыч-Сан спасает планету от корыстолюбивых пришельцев из какой-то странной звездной системы, просто так, походя, пугая корабельным «шилом» дарит нам свободу, применяя морскую находчивость, побеждает диких зверей и одичавших бандитов, дурит голову вероятному противнику и разгоняет незадачливых пиратов... А

самое интересное во всем этом – что так оно все и было! Ну, если хотите – почти!

Содержание

Знакомство с Александром Павловичем Егоркиным. Как мичман Егоркин спас целую планету	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ф.Илин

«Сказания о славном мичмане Егоркине»

Знакомство с Александром Павловичем Егоркиным. Как мичман Егоркин спас целую планету

Как всегда, плановый отпуск наступил неожиданно. Естественно, заранее купить билет на поезд не удалось. Еще бы!

С отпуском решили только вчера. И понеслось! Шеф подсутился и все формальности утрясли уже к обеду.

Хорошо еще, что дали отпускные деньги, По тем скудным временам – редкая удача! Совершенно случайно, какая-то сумма откуда-то возникла! Не все, правда, да уж и так вам бессовестно повезло – сказали мне финансисты. В те времена они вели себя как обленившиеся племенные коты – ни тебе лишний раз повернуться, ни через губу переплюнуть! Они были при дележе самого нужного и дефицитного продукта – финансовых ресурсов. Перед краснопросветным стар-

шим лейтенантом раскланивались заслуженные, орденоносные капитаны первого ранга!

Однако задерживаться в гарнизоне уж очень не хотелось. Ибо там, куда бы ты ни шел, периодически натыкаешься на свое, погруженное в лично-служебные заботы начальство. И эти твои командиры и начальники, заметив празднующееся лицо, его независимое состояние и позавидовав ему по-черному, очень даже могут тебя ласково попросить выйти на службу. Скажем, для решения очередной нерешенной проблемы. Так, зайди, мол, на полчаса. . . ага, щас! Знаем, ученые! Как будто без тебя не обойтись! Ну, уж нет!

А тут еще разгулялся противный, холодный дождь, лившийся из черно-серых туч, которые тащил злой северо-западный ветер на нашу небалованную теплом Кольскую землю, уже съезжившуюся рубцами скал и сопок, укрывавшуюся опадающей листвой. Он настойчиво гнал меня на юг, в заслуженный-переслуженный отпуск. Там еще господствовало лето, а ранняя осень лишь робко заглядывала на южные окраины страны.

Поэтому, собрав походную сумку, в тот же вечер я двинулся на вокзал, примерно подгадав под отправление московского поезда, известного всему населению области как «Арктика».

А было это, надо вам сказать, еще в те славные времена, когда железнодорожные комендатуры старались, по мере сил, помочь служилому люду в его стремлении получить за-

ветный билет. Это как пропуск в рай. Все мечтали сесть в зеленый, как зимняя мечта, вагон столичного поезда! Особенно, если этот самый служилый люд, вдруг и неожиданно, по воле начальства, собрался в командировку, на учебу, в санаторий по «горящей» путевке, в неожиданно – долгожданный отпуск. Кроме того, было много других неотложных, но менее приятных и радостных поводов. Комендатуры имели свою «бронь» на такие случаи, и действительно, часто выручали. Лично меня – раза три, за что спасибо нашему тогдашнему славному ВАСО.

Но почему-то потом этот порядок отменили, решив, что служебные трудности у офицера не должны заканчиваться на службе, и должны продолжаться еще и в отпуске. Впрочем, это еще не самое плохое в реформах по усложнению жизни офицеру. И теперь дежурный офицер комендатуры с гордым, независимым видом, лишь свысока глядит на всех страждущих... Если их еще на ноль не помножили...

В тот самый день, о котором здесь идет речь, убедившись, что в кассах – полная «безнадега» в плане перспективы обретения «пропуска в лето», я спустился к комендатуре. Тогда она располагалась в домике из красного кирпича. Постройка была сурового вида, классической архитектуры давно минувшего времени.

Это допотопное зданьице стыдливо прятало среди деревьев свои облезшие и отсыревшие стены. Не теряя надежды уехать сегодня же, я обратился к скучающему дежурному

помощнику коменданта. Как раз в это время «снимали» какую-то «бронь», и тот, бегло проверив мои документы, куда-то позвонил, а потом выписал мне записку в кассу, подтверждающую мое право за счет «брони» и резерва на нижнюю полку в купированном вагоне поезда.

Его гордое название – «Арктика» – у меня всегда ассоциировалось не с необъятными просторами «белого безмолвия», а с более приятными понятиями – «отпуск», «сладкое слово – свобода»!

Нет, все-таки, отпуск – это благословенное пятое время года! Кто со мной не согласен, для того отпуск не является необходимостью!

Настроение сразу поднялось, в душе запели фанфары. Я оглянулся – слышит ли их еще кто-то, или у меня уже ум за разум зашел от радости?

Но до отхода поезда оставался еще приличный кусок времени. Еще надо было сделать необходимые закупки съестных припасов на дорогу. А как же – бегущий пейзаж за окном, мерное покачивание вагона у меня всегда вызывали повышение аппетита... рефлекс, однако!

В Мурманске уже уверенно наступила осень, и в воздухе стало сыро, прохладно, если не сказать – холодно. Это – ерунда, особенно, если едешь на юг, вдогонку за улетающими птицами и убегающим летом... Но что важнее – на встречу своему отдыху и свободе – от семьи и начальников. А также от дурных мыслей о службе.

Я живо, уклоняясь от суматошных прохожих, пошел к выходу из вокзала. Шел между людьми, ожидающими объявлений диктора, проскользнул между празднующимися милиционерами, от скуки сверлившими меня «проницательными» взглядами. Работа такая!

На ходу я лениво соображал, чем общественно таким-эдаким и лично-полезным заполнить время, оставшееся до отхода заветной «Арктики», уже притулившейся к перрону первой платформы.

И в это же самый момент, у выхода из комендатуры, я столкнулся со своим сослуживцем и даже соседом по дому в Загрядье. Там я служил долгое время после училища, и многих еще помнил.

Это был заслуженный старший мичман Егоркин Александр Павлович, личность колоритная и заметная. Это как вам нравится – хоть в прямом, хоть в переносном смысле.

В нем было килограмм сто двадцать живого веса при росте 190, грива выующихся черных волос, пышные казацкие усы и большие карие глаза. Он был родом из одной кубанской станицы, потомственный казак, как он себя называл, и преданный служака, до мозга костей влюбленный в службу.

Но известен он был еще и тем, что часто «влипал» в большие и малые неприятности и даже в истории, которые становились фольклором не только в гарнизоне, но, как говорили, даже на целом родном флоте. При всем при этом, «зеленым

змеем» не злоупотреблял. Во всяком случае, не больше других, меру свою твердо знал, да и, наверное, трудно было его «удивить» обычной застольной дозой.

Палыч был мичманом старой закалки, отличался порядочностью, честностью, но... Объяснительные записки по разным имевшим место с ним случаям, отличались у него фантазией и представляли собой образец литературы особого жанра. Во время службы в политотделе одного из соединений в Загрядье, мне приходилось знакомиться с ними. Надо сказать, они производили неизгладимое впечатление на каждого читающего!

Заметив и узнав друг друга, мы поздоровались, как добрые знакомые, обменялись вопросами и ответами о наших бывших сослуживцах. Разговорившись, мы случайно выяснили, что вместе едем до Москвы, Так мало того, что – в одном поезде, в одном вагоне, но и даже в одном купе, в которое его устроил все тот же всемогущий дежурный помощник коменданта.

Мы искренне обрадовались удачному случаю и пошли по магазинам, наскоро накупив доброго провианта и кое-чего еще. А что делать? Традиция! Нарушишь традицию хоть в чем-то, так и дальше все пойдет наперекосяк. Вот сиди и жди заугольных гадостей! Вот поэтому основа армии, нерушимый постамент ее организации – суть традиции!

А теперь скажите, какие же такие вооруженные силы могут жить без традиций? И неважно – каких, но – традиций.

Как гласит народная примета по этому поводу? Если традиция живет долго, значит, она жизнеспособная, и не такая уж плохая, как часто убеждает наше заботливое начальство. Сам такой бывал!

Погрузившись заблаговременно в вагон, (а чего, собственно, ждать в вокзале, когда тебя никто не провожает?), мы зачихнули под полки наши нехитрые походные пожитки. Как издавна водится, в нашей стране, мы, как опытные пассажиры, переоделись в спортивные костюмы и тапочки. Из недр походных сумок сразу же извлекли продукты, разложив их на столе в полной боевой готовности к ужину. Время – самое то! Чего-тянуть-то!

Наших соседей по купе долго не было. Мы уже решили, что поедем до стольного града всего вдвоем, и только за пять минут, после объявления о просьбе к провожающим покинуть своевременно вагоны, к нам вдруг вошли взмыленные от спортивного «бега с вещами» майор и подполковник с золотистыми «пушками» в петлицах.

Как и предполагалось, вся публика оказалась военной. Это было «бронированное» комендатурой купе, заполненное в последний момент.

Офицеры с явным облегчением, побросали свои сумки на палубу купе, поздоровались с нами на выдохе и плюхнулись на нижние полки рядом и только потом перевели дух. У подполковника на кителе была только одна планка «Красной звезды» – похоже, что остальную юбилейную и «песоч-

ную» мелочь он не носил, назло всяким «тыловикам» и домоседам. Видали мы таких!

В ту же самую секунду, словно получив долгожданное «добро», наш тепловоз прощально крикнул старому другу-вокзалу и плавно тронулся с места. Натужно запели вагонные тормоза, мимо окон поплыли станционные постройки, дома, затем знаменитая труба Кольского пивзавода. Справа и слева стояли дремавшие на путях товарные вагоны и измазанные мазутом наливные цистерны.

Вот, наконец, состав вышел на перегон, а локомотив облегченно и радостно взревел застоявшимся дизелем. Поезд заметно увеличил скорость и побежал по берегу Колы, весело бурлящей своими струями синего стекла среди скальных берегов.

Мы быстро перезнакомились с армейскими офицерами. Между делом, единогласно решили, что надо бы поужинать, достойно отметив «вечер трудного дня». Впереди – целых 36 часов вынужденного относительного безделья!

Выяснилось, что в суматохе отъезда поесть времени не нашлось. Естественно, ужинать надо вместе, и, конечно же – обязательно запить пищу не одним только чаем. Поводов же для этого была целая куча. Отъезд и новое знакомство – чем вам не уважительная причина? А вы замечали, что в доброй мужской компании, тем более в дороге, ну просто нет повода не выпить – хоть ты тресни?

Быстро постелили «достархан» – целый разворот свежей

газеты, пожертвованной молодым подполковником, стали выставлять на стол все съестное, что захватили с собой.

Это странным европейцам снятся ночные кошмары, когда они, вопреки семейному врачу, вдруг все-таки плотно поедят калорийной и вкусной мясной пищи перед сном.

А когда снятся кошмары нашему соотечественнику? Вот именно! Вопрос риторический!

Нашему русскому человеку, и, тем более, военному, все кошмары и ужасы (куда там Голливуду), снятся именно тогда, когда он ее, эту самую жирную пищу, не поест перед «отбоем». Причем, как следует – и от души! А если еще и в доброй компании, то... Тогда – никаких тебе хичкоков под прикрытыми веками.

Поэтому, на маленьком вагонном столике банкам, сверткам и бутылкам сразу же стало тесно. Жмотов как-то среди нашего брата маловато. Появились кружки и стаканы, вилки и походные ножи. Само собой, приняли по первой – за знакомство, закусили, и тут к ПВО-шникам, (а это были слушатели Калининской академии ПВО, возвращавшиеся со стажировки), подошло подкрепление – сокурсники, которые ехали в соседнем вагоне, по одному в купе. Там было неудобно, они пошли к своим. И у них с собой тоже было...

Наша водка – это такое национальное универсальное средство для упрощения отношений и развязывания языков, что его никогда и ничем не заменят, во всяком случае, в обозримый исторический период. Это средство будет существо-

вать, пока у людей еще осталась потребность к товарищескому, неформальному, открытому общению. Соки и чаи вещь полезная и не осуждаемая даже ханжами, но... совсем не то! Вот бы только «дозу» уметь соблюдать! Да к машине после этого бы не подходить! Это – да! Да как же ее предварительно рассчитаешь... Вот только от этого-то и все проблемы! Во всем хорошем есть свои недостатки!

Старт товарищеского ужина под флагом боевого содружества видов Вооруженных Сил был дан, и, еще где-то до Оленегорска мы все уже были в состоянии легкого возбуждения и тяжелой сытости. Все уже чувствовали себя давними знакомыми, если и не друзьями, если еще не родственниками.

– Ты, Александр, не увлекайся! – принялся «наставительно руководить» подполковник, Сергей Юрьевич: – Меру надо знать!

– Так я знаю! – тут же парировал Палыч, – 26 и две десятых литра, вот!

– Это как? – опешили соседи.

– А посмотрите любой толковый или бестолковый словарь – там ясно писано – мера, для объема жидких и сыпучих – 26, 2!

– Точно! – подтвердил майор.

Выяснили, с некоторым сожалением, что во всех Вооруженных Силах рассказывают одни и те же анекдоты, лишь слегка приправленные местным или специфическим колоритом в виде особенностей терминологии и сленга.

Вовсю пошли разговоры, устные мемуары. Мало-помалу, перерывы между тостами стали больше. Теперь пили понемногу, лишь пригубливая из стаканчиков – больше для поддержания беседы.

Спать еще совсем не хотелось, несмотря на темноту за окном и неумолимо бегущие стрелки часов.

Тем более, что и негде было, ибо гости из соседнего вагона уверенно заняли наши нижние полки, потеснив нас у столика. Майор же легко взлетел на свое верхнее лежбище и оттуда участвовал в разговоре, периодически требуя подать ему наверх то наполненный стаканчик, то закуску.

«Горячее» было уже на исходе, бутылки заметно опустели. Ракетчики стали, было, прикидывать перспективы пополнения запасов и продолжения, но... Подполковник стал решительно настаивать на переходе на добрый чай, но его пока никто не поддержал.

Тогда Егоркин тяжело, с деланным сожалением, вздохнул, залез в свою безразмерную сумку. Он пошарил там своей широкой дланью и... медленно достал еще одну бутылку, приличного объема, как еще такой тип посуды в то время называли: «утюг». Этакую вот здоровенную бутылку, литра на два, с ручкой для удобного разливания.

– Шило водлазное! Спирт двойной очистки! Чистейший, просто фирменнейший ректификат! – гордо отрекомендовал он свой напиток заметно уплотнившемуся и сразу повеселевшему населению купе. Тогда мы еще не знали, что это,

оказывается, тоже вредно!

Для того, чтобы мы все оценили его жертву по достоинству, он сделал театральную паузу. Это был поступок! Все немедленно решили попробовать чудесный напиток. На столе быстро пополнили понесшие существенные потери запасы закуски, принесли чистую воду.

Для наших боевых друзей из ПВО питье спирта было тоже не в новинку, как заверили они. А то бы мы сомневались! Аппаратуры – то у них не меньше, чем на флоте, и там тоже надо чистить контакты и поднимать сопротивление изоляции в неизмеримом множестве приборов и блоков всяких там постов управления и станций.

А так же, снимать стресс после тяжких нервно-психических нагрузок учебных и боевых тревог, плюс организовывать обеспечение приема и ублажения всяких комиссий и инспекций. Пришельцы из разных штабов тоже ценили «огненную воду», представьте себе! Как говорили, «шило» не пьет только нелюдь и нечисть.

Короче, никто не отказался попробовать угощения Егоркина. Выпили, оценили напиток, а майор Валера со своей верхотуры даже сказал, что как ему не тяжело это признавать, но флотский спирт явно лучше. Коллеги сразу же проехались в его адрес насчет того, в каких таких случаях даже уксус бывает слаще.

– Да, – удовлетворенно заметил Егоркин, – а я один раз точно таким же «шилом» спас нашу планету и ее население

от порабощения инопланетными агрессорами.

Мы засмеялись, расценив его слова, как шутку.

– Не верите – черт с вами, – благодушно махнул на нас рукой Александр Павлович: – Никто не верит, я привык уже, но это точно вам говорю! Чтоб мне ни бабы, ни водки бы и не захотелось, и даже не замылось, коли вру или привираю! – поклялся страшной клятвой Александр Павлович.

За окном, как мне показалось, даже что-то сверкнуло и грохнуло в небе, после его грозных слов. Майор с верхней полки даже зашелся от смеха:

– Ну, ты, Шура, даешь!

– Так ты расскажи тогда, как это все было – то, спать все равно не хочется, на это есть весь завтрашний день! – попросил серьезный и ответственный подполковник.

– А вот и расскажу! Теперь – точно расскажу! Раньше нельзя было, я, понимаешь, на пять лет даже подписку давал о неразглашении. Причем, раза три, да все – разным, понимаешь, инстанциям! Да и все равно, мне никто не верил! Бывало, что я хоть иногда легко, как – то, намекал на это событие, но все тогда только закуску мне в таких случаях побольше да посытней подкладывали, да минералку вместо водки подливали, проявляя, блин, заботу о моем замутившемся разуме.

А попробовал я как-то раз рассказать эту историю, когда в госпитале подлечивался по случаю – со скуки, так только

один психиатр и мне поверил. Он-то всем верит – и Иисусам, и Наполеонам... Ему по штату положено! Я и не обижался! Еще чего не хватало! И то сказать...

Между прочим, эти ребята, из соответствующей конторы, так и говорили – будешь болтать – тебе же будет хуже, и даже без нашей помощи. Потому что тебя все будут считать клиентом «желтого дома без ручек», чудом сбежавшим на волю.

Мы продолжали его уговаривать, он особо не протестовал, только для приличия. Выждав достойное, с его точки зрения, время уговоров, умело подогрев этим интерес публики. А вот уж тогда благосклонно изрек:

– Ну, так слушайте! Раз на то пошло: было все это эдак лет с десять назад, в июле.

Где-то незадолго до дня Флота мы с друзьями решили выйти в сопки, на природу. Когда у нас тепло, и редкий выходной вдруг совпадает с погожим днем, то полгарнизона устремляется вдаль на пикники для объединения с природой. За зиму-то стены квартир надоедают настолько, что так и тянет от них куда подальше. Так что все, кому не повезло с летним отпуском, стараются взять все прелести лета прямо на месте. А что? Летом – и у нас хорошо, особенно в июле и августе. Да и с местом для пикника особых проблем нет, и даже за руль садиться не надо, опасаясь, что ГАИ ваш выхлоп праздничный учует...

Двадцать-тридцать минут неспешного хода пешком – это для снобов, а, если без фанатизма – то и меньше, и вот она,

почти девственная мать-природа.

— Это как же — девственная мать? — ехидно поинтересовался майор с верхней полки. На него шикнули и он заткнулся на полуслове.

— Красота! И местность почти не загаженная — продолжал Палыч, даже не поморщившись на недоумка.

— И все потому, что свободного от цивилизации места намного больше, чем людей! Все-то даже и не загадишь, даже и если иметь такую цель! Я в Швейцарии, конечно, не был, но, говорят, у нас, в Загрядье, пейзажи не хуже... а в августе особенно. Кто говорит? Нет, они тоже там не были! Просто в клубе у Сенкевича видели, да и видиков всяких полно, про этих, как их там, сенбернаров швейцарских, да. Здоровые такие собаки, знаешь, они под снегом всяких туристов ищут, когда голодные. Кто, туристы? Нет, собаки, конечно! Попробуй сытую собаку из будки выгони! Ага, очень смешно, туристами они питаются! Сам людоед! А будешь еще... попусту болтать, скажем так, то следующую рюмку пропустишь!

Перед некоторыми словами Егоркин делал заметные паузы. Он старательно подбирал слова для замены слов обычного корабельного мужского лексикона — догадался я.

Дверь-то в купе была приоткрыта, по коридору сновали туда-сюда пассажиры, а ругаться при женщинах и детях старый мичман себе не позволял, да и другим воли не давал. Кстати, и нам тоже — даже не смотря на наше решительное превосходство перед ним в воинском звании.

– И не перебивай меня своими подколками, а то вообще рассказывать ничего не буду! – угрожающе пообещал он. На майора все зашикали, а угроза лишиться очередной рюмки, а то – и не одной – как сурово пообещал ему подполковник – старший его учебной группы, и удивительно дружно поддерживаемая всеми остальными офицерами, замаячила перед ним мрачной реальностью.

Некоторые слушатели уж было предложили к применению более популярные и быстрые меры воздействия к болтуну, и даже свое немедленное участие в этом. Но старший группы всех успокоил и лишь пристально глянул на майора.

Тогда майор Валера извиняющимся тоном заметил, что ничего такого, обидного-то, он и в мыслях-то не держал. Так, мол, ляпнул, не думая, только для поддержания разговора. Конфликт замяли...

Александр, довольный реакцией публики продолжил:

– А у вас, в армии, вообще редко думают! До генерала, считается – так вроде не положено, рано, а с генерала – так оно уже и поздно. Чего-думать-то? Жизнь удалась! Есть умные подчиненные – надо только найти и поставить задачу, ага! И политики сами скажут, что генерал должен говорить, а что – делать – заключил старый мичман.

– Много ты понимаешь! – заступился подполковник за своих генералов. Как видно, он еще лелеял надежду в один прекрасный день проснуться в штанах с лампасами! Офицеры задумались, но согласились. Кроме Валеры, который

предложил в этом пункте поставить знак равенства между генералом и адмиралом.

– Но, продолжаю! – отмахнувшись от полемики, вступил Егоркин после некоторой паузы: – Так вот, двинули, значит, мы в сопки, человек семь нас было, кто с женами, кто сам по себе...

– А с чьими? – невинно поинтересовался сверху никак не успокаивающийся майор.

– С женами-то? Со своими, конечно! Ты что, я не знаю, как там у вас, в гарнизонах и военных городках, а у нас в поселке, – жены же все друг друга знают, твоя не успеет и вернуться из дальних странствий, как сдадут тебя ей с потрохами, и – легко, прямо, как пустую посуду. Можно, конечно, так поступать, и нагло гулять с чужой женщиной, по гарнизону, корча независимую рожу. Однако, можно найти и менее надежный способ самоубийства. А что, в ПВО не так? Вот уж не думаю! Ну, ладно, слушайте дальше!

– Я тогда же утром, на своем корабле-то побывал, Пришлось, не смотря на редкий выходной, да еще – ни свет, ни заря, – был у меня оповеститель, стук-стук в дверь, и: – На корабль, тащ мичман, пожалте, командир вызывает. Тревога у нас случилась!

Как потом рассказали, что-то там ПВО-шники непонятное засекли, да и дозорный эмпэк (От МПК, малый противолодочный корабль) тоже чем-то встревожился. По экрану РЛС непонятная отметка носилась, а потом пропала. То ли

видели что-то, то ли нет – толком не поняли. Но тревогу по бригаде сыграли, на всякий случай, чтобы и службу проверить и бдительность повысить. Ничего, обычное тогда было дело, «соседи» к нам периодически подлезали, интересовались, как мы живем и что делаем. В море каждый раз с «Оришей» норговским «здоровались» – иначе переживали, а не провалилось ли куда это самое НАТО?

Подумали отцы командиры и сделали как всегда – объявили тревогу. Ибо лучше переодеть, чем недобдеть – решило начальство. Понеслись по кораблям звонки колоколов громкого боя. Ну, да ладно служба на то и служба! Подбегаю я к кораблю, а там уже пушки сервомоторами воют, что-то в небе стволами ищут, «лопухи» РЛС вращаются, дизеля густым сиреневым дымом полгавани замаскировали – все как положено!

Привели мы свой корабль в готовность номер один, доложили. Провернули оружие и технику, народу своему в глаза посмотрели, (а то ведь он, народ-то, когда без нас заскучает, так что-то интересненькое, с приключениями, сразу придумает. От этого народного интереса потом у начальства икота и сердечные приступы случаются! Особенно на подведении итогов со старшими начальниками... (Но это я в сторону уже уехал...

Потом боевая смена заступила. Посидели мы, кто свободен от вахты оказался, еще с полчаса по каютам, международное положение обсудили, чай погоняли. А потом отбой

дали, и – по домам. Кроме дежурной смены обеспечения, распустили всех допраздновать редкий выходной. Ну, мы всей своей честной кампанией и двинулись в сопки, как запланировано и было, причем, скорей-скорей, пока командование не передумало! Мало ли еще чего взбредет командирам на трезвую-то голову!

Так вот, значит... Шашлыки тогда мы сделали хорошие – мяса было ведра два, хорошо замаринованного, да еще по особому армянскому рецепту, который наш штурман-бакинец от своих предков унаследовал. А к ним были огурчики, помидорчики там всякие, зелень, целый здоровый пакет, кто-то из отпуска привез, водки и вина – тоже всего хватало.

Наш механик в соседний город, столицу местных горняков и металлургов, за ней, за водкой-то, специально, с оказией, в пятницу ездил. Потому, как в нашем гарнизонном магазине, на который бронзовый Ильич нам рукой с постаменту день и ночь показывал, в те времена были только вино, коньяк и ром. А этот ром был, к слову сказать, еще такой, которым негры из-за своей завоеванной независимости напрочь отказались травиться. Так он и назывался – «Ром для негров». Вот тянуло военторг на экзотику – и ром, и настоящий португальский портвейн, и венгерский токай, шотландский виски «Клуб 96», и ирландский джин – а водки нет! Какие-то извращенцы закупками руководили, да! Водку же почему-то в те времена наш «ванькинторг» не закупал для гарнизонов из зависти и вечной тыловской вредности Измы-

вались над русским служилом человеком! У-у, иезуиты! – погрозил он кулаком какому-то неведомому личному врагу.

Наверное, там рассчитывали, что ворованное корабельное (или авиационное) шило мы больше уважаем и покупать водку просто не будем. Ага! Или нравственность нашу кто-то берег, резонно полагая, что коньяка и джина много не выпьешь.

А на трезвую голову совершать аморальные поступки у нас как-то совсем не принято... Списать свою дурь на плохую водку со слабой закуской – это нормально, тебе даже посочувствуют. Кое-кто... А вот «подвиг» по своей собственной дури не простят! Говорят, сам Александр III точно так поступал – пьянство прощал, но и только... он солдат был по духу, знал, что почем!

Был, конечно, и обычный портвейн – но он на любителя. Да и качество, извините, но, мягко говоря, там совсем не ночевало! Так, цистерну из-под среднего вина сполоснули а воду с остатками по бутылкам разлили... – высокомерно пояснил Палыч со знанием дела.

Я сам из казачьих краев, там к вину с детства приучены. Но! – многозначительно поднял указательный палец вверх и сделал эффектную паузу Егоркин. А когда все уважительно заткнулись, он продолжил поучающим тоном:

– К вину – то домашнему и хорошему, да за щедрым столом среди родных и друзей. Да и само вино там – это чистейший виноградный сок, напитанный нашим щедрым ку-

банским солнцем! Для радости своей и своих друзей его казаки делают испокон веку! Поэтому алкашей – синюшников у нас и на порядок поменьше будет, чем в центре среднестатистической России – матушки. Это – если брать в процентах на душу населения.

Офицеры недоверчиво фыркнули.

Егоркин смочил пересыхающее, как река в пустыне, горло стаканом свежайшего «Кольского» пива и продолжил: – У нас, у военных-то, водка, тогда в дефиците была, как объяснил уже, а вот горнякам без нее, без русского национально-го анти стресса, нельзя никак – а то их план добычи и производства в опасности будет. И это их начальство и партийное руководство прекрасно понимало. И там все всегда было, невзирая на течения и веяния. Ибо хром, медь и никель – всяко важнее газетной шумихи.

Вот и снаряжали мы с оказией делегации к ним периодически, и – особенно, перед праздниками. Чем создавали им очереди иногда. Но – ничего, горняки – они мужики с понятием! Тем более, что многие из них в Заполярье, да на Северном флоте срочную службу оттрубили. А вот уж это – как братские узы!

Так вот, отдохнули мы тогда шикарно, никто никуда не торопил, следующий день тоже был выходной – за недавние удачные учения, которые «съели» пару выходных у всего флота.

Солнца никто давно за горизонт не закатывал – конец июля. Попели мы вдоволь разные песни – и народные, и не очень, поговорили, как всегда, и обо всем, по закону древних викингов. Ага, точно – в море – о бабах, а с бабами о – море. Откуда знаешь? У вас – тоже? А куда денешься? Закон – он на то и закон!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.